

ISSN 0134-8515

**СЕВЕРНО-
РУССКИЕ
ГОВОРЫ**

ВЫПУСК

14

**SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
INTRADEPARTMENTAL LEXICOGRAPHICAL STUDIO
named after Prof. B. A. Larin**

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES**

NORTHERN RUSSIAN DIALECTS

Published since 1969

Issue 14

Interuniversity collection of articles

Editors *A. S. Gerd, E. V. Puritskaya*

**Nestor-Historia
Saint Petersburg
MMXV**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МЕЖКАФЕДРАЛЬНЫЙ СЛОВАРНЫЙ КАБИНЕТ
им. проф. Б. А. Ларина

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ

Издается с 1969 года

Выпуск 14

Межвузовский сборник

Отв. редакторы А. С. Герд, Е. В. Пурицкая

**Нестор-История
Санкт-Петербург
2015**

УДК 800.87
ББК 81.2Рус-67я5
С28

Редакционная коллегия: д.ф.н. проф. А. С. Герд (отв. редактор, С.-Петербург), д.ф.н. проф. Л. А. Ивашко (С.-Петербург), к.ф.н. доц. И. С. Лутовинова (С.-Петербург), к.ф.н. проф. Л. П. Михайлова (Петрозаводск), д.ф.н. проф. С. А. Мызников (С.-Петербург), к.ф.н. ст. науч. сотр. Е. В. Пурицкая (отв. редактор, С.-Петербург).

Редакционный совет: д.ф.н. проф. Н. В. Богданова-Бегларян (С.-Петербург), д.ф.н. проф. В. В. Колесов (С.-Петербург), к.ф.н. доц. Н. В. Маркова (Петрозаводск), д.ф.н. проф. И. И. Муллонен (Петрозаводск), д.ф.н. проф. Е. А. Нефедова (Москва), д.ф.н. проф. Н. С. Сергиева (Сыктывкар), д.ф.н. проф. Г. В. Судаков (Вологда), д.ф.н. проф. О. А. Черепанова (С.-Петербург).

Печатается по решению Ученого совета ИЛИ РАН

Севернорусские говоры. Вып. 14: Межвуз. сб. / Отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. — СПб.: Нестор-История, 2015. — 320 с.

Сборник «Севернорусские говоры» (вып. 13 вышел в 2014 г.) продолжает традиции сборника «Слово в народных говорах Русского Севера», издававшегося под редакцией Б. А. Ларина. Это научное издание посвящено проблемам диалектологии, а также межъязыковым и межэтническим контактам. Статьи сборника отличает широкий сравнительно-исторический фон, внимание к фактам этнографии и древнерусской региональной письменности.

Сборник предназначен для филологов-русистов, финно-угроведов, диалектологов, этнографов.

ББК 81.2Рус-67я5

ISBN 978-5-4469-0766-3

9 785446 907663

ISSN 0134-8515
ISBN 978-5-4469-0766-3

© СПбГУ, 2015
© ИЛИ РАН, 2015
© Коллектив авторов, 2015

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЭТНОГРАФИЯ*

Аннотация. В статье рассматриваются история, становление и современное взаимодействие диалектологии и этнографии в России, особенности метаязыка этнографии и диалектологии.

Ключевые слова: этнография, диалектология, метаязык, моделирование.

В 1947 году Н. П. Гринкова выступила на Всесоюзном географическом съезде с докладом на тему «Этнография и диалектология»¹. Посмотрим, каково состояние и взаимоотношение этих наук сегодня.

В этом докладе Н. П. Гринкова особо подчеркнула, что в спорах об определении этнографических границ важны и диалектные данные. На материале костюма и построек она показала, какое большое значение имеет параллельное изучение этнографических и диалектных материалов.

Здесь особо следует отметить деятельность М. А. Бородинной, организовавшей совместно с С. И. Бруком, К. В. Чистовым,

---

*Статья подготовлена по гранту СПбГУ «Региональные формы русского языка в исторической перспективе», 31.38.292.2014. В статье термины «языкознание» и «лингвистика» употребляются как синонимы. Статья не касается проблем этнопсихологии, этнодемографии, исторической географии, этнолингвистики, фольклористики. Таким образом, настоящая статья рассматривает преимущественно роль лингвистических источников в решении задач традиционной русской исторической этнографии.

¹Гринкова Н. П. Этнография и диалектология // Труды второго всесоюзного географического съезда. Т. 3. М., 1949. С. 300–314; Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. В целом Н. П. Гринковой было опубликовано более 20 работ по этнографии. Те же тенденции характерны для историко-этимологических работ Н. П. Гринковой: Гринкова Н. П. Об областных словах в современном литературном русском языке // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1956, т. 122; Гринкова Н. П. Из истории областных слов русского языка // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1957, т. 130, с. 121–148; Гринкова Н. П. Вопросы исторической лексикологии русского языка // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1962, т. 231.

Н. И. Толстым при поддержке В. М. Жирмунского не только серию конференций по проблемам языкознания и этнографии, но и совместно с А. Н. Кононовым специальную секцию лингвогеографии в Русском географическом обществе².

Н. И. Толстой ввел проблемы языкознания и этнографии в широкий контекст этнолингвистики. Он еще раз указал на роль языка в формировании народной культуры, на необходимость во многих случаях изучать лексику в тесной связи с этнографическим анализом, на экспансию методов лингвистики в этнографию³.

Постепенно под руководством Н. И. Толстого и С. М. Толстой возникла славянская этнолингвистика, ставящая своей целью изучение языка и культуры в их органической связи, реконструкцию древнейших представлений о мире и человеке, того, что сейчас называют картиной мира славян⁴.

Более чем за сто лет языкознание немало сделало и делает, попоная со своей стороны материалами и идеями этнографию⁵.

---

²Лингвогеография / Отв. ред. М. А. Бородина. Л., 1983; Проблемы картографирования в языкознании и этнографии / Отв. ред. С. И. Брук. Л., 1974. (См. перечень конференций «Ареальные исследования в языкознании и этнографии»); Мельникова Т. Н., Сухачёв Н. Л. Лингвистические и этнографические атласы. Л., 1971; Сухачёв Н. Л. Лингвистические атласы. Л., 1984.

³Толстой Н. И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1982. Т. 40, № 5. С. 397–405; Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПб., 2005; Герд А. С. Социоллингвистика. СПб., 2012.

⁴Толстая С. М. Никита Ильич Толстой и его путь к этнолингвистике // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М., 2013. С. 10–25.

⁵Шахматов А. А. Русская диалектология. Лекции. СПб., 2010; Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Ч. 1. Пг., 1916; Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1949. Т. 80; Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию. 1825–1880. Вып. 3. М., 1955; Этерлей Е. Н. Об этнографизмах и их месте в диалектном словаре // Диалектная лексика. 1974. Л., 1976. С. 13–26; Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983; Комягина Л. П. Соотношение лингвистических и этнографических ареалов на территории Архангельской области // Эволюция лексической системы севернорусских

В аннотациях к диалектным словарям мы, филологи, обычно пишем: «Для филологов, этнографов, историков, краеведов». Почему же этнографы даже в описаниях локальных этнических групп и регионов далеко не всегда используют данные диалектных словарей?

Первое и главное различие заключается в характере описания понятия. В словаре приводится только сам народный термин и его значение — как правило, достаточно лаконичное.

Этнограф, описывая предметы материальной культуры, оперирует не изолированными терминами, а создает связный научный специальный текст, детально описывающий тот или иной предмет, обряд и т. д.

Диалектолог, определяя значение слова, также оперирует не изолированными терминами, извлеченными из контекста полевых записей. Однако это записи в транскрипции, записи на языке информанта и главное — с точки зрения этнографа, энциклопедически часто довольно фрагментарные. Совсем особое место занимает словарь «Славянские древности»⁶.

Таким образом, диалектные словари, содержащие в лучшем случае три-четыре цитаты, нередко оказываются недостаточно информативными, хотя в последнее время и появились словари, приводящие почти все цитаты из полевых записей, например словарь «Селигер»⁷.

Целые поколения даже лучших лингвистов, лексикографов выросли на том, что в определение слова в словаре не должно вноситься ничего из того, что к самому значению не относится. Практика научно-технической лексикографии и разработка термино-

---

говоров. Вологда, 1984. С. 8–19; *Черепанова О. А.* Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996; *Лутовинова И. С.* Слово о пище русских. СПб., 1997; *Проценко Б. Н.* Духовная культура донских казаков. Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Ростов-н/Д., 1998; *Судаков Г. В.* История русского слова. Вологда, 2010; Традиционный быт псковских крестьян. Опыт этнолингвистического словаря. Псков, 2012.

⁶Славянские древности. Т. 1–5 / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995–2012.

⁷Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь / Под ред. А. С. Герда. Вып. 1. СПб., 2003. Вып. 6. Тверь, 2014.

логических словарей давно уже отказалась от этого положения, и в толкования терминов в разной форме, как правило, вносятся все основные и дополнительные признаки понятия⁸.

Как известно, этнограф, описывая понятие, использует самые разные источники, в том числе архивы музеев, материалы путешествий, начиная с XVIII века, полевых экспедиций, дневники, рисунки, фотографии.

Большинство современных диалектных словарей (исключение — ПОС и СРНГ) довольно строго ограничены хронологически только материалами из экспедиций середины и последних десятилетий XX и начала XXI века, в то время как этнограф воссоздает историю объекта в глубокой хронологической ретроспективе, нередко вплоть до использования археологических артефактов. Этнографу, целью которого является описание жизни, быта, обрядов, содержание, характер понятия, его история, как правило, ясны еще до того, как он обратился к диалектным словарям.

Обилие синонимов в диалектных словарях хорошо показывает особенности диалектной речи, но часто уже мало что добавляет к раскрытию содержания понятия.

В лучших работах по этнографии приводятся народные названия объектов, но и они часто почерпнуты из собственных полевых записей этнографов или из других источников. В частности, по этнонимике локальных групп населения этнографы сами часто находят больше данных. Так, Т. А. Бернштам подробно анализирует этнонимы *кокшара*, *усьяна*, *усьяки*, *ваганы*, *важань*⁹.

Лингвистические источники для этнографа релевантны, интересны, но не всегда пертинентны, значимы. Они выполняют в этнографии роль вторичных материалов.

Этнографию и языкознание разделяют не объекты, а тип создаваемого специального текста и метаязык описания. Этнограф создает специальный развернутый связный текст по этнографии,

---

⁸Герд А. С. Основы научно-технической лексикографии. СПб., 1986.

⁹Бернштам Т. А. Локальные группы Двинско-Важского ареала: духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север / Под ред. Т. А. Бернштам. СПб., 1995. С. 208–317.

а лингвист — совсем особый вид специального текста — словарь. При этом этнограф пишет на современном литературном языке и там, где можно, он чаще всего пользуется литературными стандартными терминами, а диалектные названия приводит в скобках, в кавычках или курсивом.

Приведем пример: Вокруг всей избы имелись *лавки* вдоль стен и *полавошники* — полки над лавками.

Из избы имелся вход в подполье через люк в полу, иногда шкафообразной надстройкой над ним, известной в более восточных и северных губерниях под названием *голбец*. Здесь (в Псковской губернии — А. Г.) это устройство называлось *ленуха*. Но в русских избах эта ямка (в печи — А. Г.) имела под разными названиями во всех губерниях до конца XIX в., в том числе и в Псковской, под названиями *ямка*, *пазуха*, *загнетка*, а в других местах — *горнушка*, *жараток*, *камелек* и т. д.¹⁰

Если мы хотим, чтобы диалектные словари (и шире — лингвистические источники) стали для этнографа более пертинентны, более востребованны, мы должны повернуться лицом к опыту научно-технической лексикографии, не ограничиваться только определением значения, а должны там, где необходимо в разных формах давать дополнительные описания объекта, а иногда и рисунки (виды рыболовных орудий, части строений, одежды)¹¹.

И в наши дни, в начале XXI века из традиционных направлений, источников актуальны для этнографии классификация языков и диалектов, лингвистические атласы. Этнографу чаще всего легче и удобнее использовать обобщающие работы филологов по истории диалекта, топонимов, по происхождению и истории слов. Топонимика важна, но чаще уже как лингвистически обработанный материал с точки зрения этимологии, как свидетельство о субстрате и волнах этнических переселений.

---

¹⁰Шенников А. А., Привалова О. Е. Строительная культура псковских крестьян: поселения, усадьбы, постройки // Историко-этнографические очерки Псковского края. Псков, 1999. С. 177.

¹¹См., например: Сыщиков А. Д. Лексика крестьянского деревянного строительства. СПб., 2006.

В последнее время в лингвистике появилось немало работ о моделировании живой народной картины мира. На этой базе актуальным представляется следующий шаг — разработка строгих логико-понятийных моделей отдельных этнографических объектов и соответствующих им понятий¹².

Хорошую основу здесь представляет опыт программы Лексического атласа русских народных говоров¹³.

Многочисленные рассказы информантов-диалектоносителей, записанные в последнее время диалектологами специально для изучения связной речи, во многом все же фрагментарны и относятся скорее к этнопсихологии.

И здесь мы подходим к главному выводу. Все сказанное выше в конечном счете обусловлено различием в предмете изучения. В языкознании — это язык, диалект как лингвистическая субстанция, в этнографии — этнос, народ и его быт и культура в самом широком смысле. Отсюда и разница в методах.

В течение долгих десятилетий отечественная диалектология была ориентирована на описание фонетики и морфологии диалектов вне всякой связи с лексикой и тем более с этнографией¹⁴.

Считалось, что для выяснения основных фонетических и морфологических особенностей диалекта достаточно одноразового обследования пункта по определенной сетке и программе.

Для этнографа традиционным объектом служит население избранного ареала, та или иная отдельно избранная этническая группа. С этой целью этнография издавна неоднократно, как правило, обращается к полевому и источниковедческому изучению этого населения.

---

¹²См. серийные ежегодные сборники «Лексический атлас народных говоров». (Вып. 1. Л., 1990); Герд А. С. Прикладная лингвистика. СПб., 2000; Табанакова В. Д. Моделирование научно-исследовательского текста. Тюмень, 2004.

¹³Лексический атлас русских народных говоров (Проект). СПб., 1994; Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Ч. 1, 2. СПб., 1994.

¹⁴Программа собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка. М.; Л., 1947. Из 294 вопросов лексика занимала вопросы 141–294.

Постепенно в 60-е–80-е годы XX века с расширением масштабов работ над диалектными словарями стало ясно, что сбор полноценных лексических материалов также требует неоднократных обследований одних и тех же районов, пунктов, а нередко и специальных вопросников и программ.

Приведем один современный пример. В 2006 году была опубликована монография К. К. Логинова «Этнолокальная группа русских Водлозерья»¹⁵. Автор в течение ряда лет посвятил себя как полевому, так и архивному изучению района Водлозера на востоке Карелии.

В 2005 году вышел шестой, последний том СРГК. За долгие годы полевых исследований обширного ареала СРГК от Мурманска до Ильмена, озер Лача и Белого озера было проведено не более трех экспедиций на Водлозеро, и то в разные деревни.

В монографии К. К. Логинова мы находим такие названия жителей Водлозерья, как *рибушник*, *озёра*, *озёрные люди*, *белогвардейцы*. Слов этих в качестве этнонимов нет в СРГК, да и программы обследования для СРГК не предусматривали специальных вопросов по названиям жителей.

В то же время в СРГК нет слова *рибушник* как названия жителя или прозвища на Водлозере, но зато есть свыше двадцати слов с корнем *риб/рёп/рибуш* в значении 'плохая, ветхая, рваная одежда' или 'плохо, неопрятно одетый человек' (*рибушник*, *рибушница*), откуда, по-видимому, и название жителей Водлозера.

На этом примере ясно видна разница в целях лингвистического и этнографического сбора материала.

Для диалектолога главное — записать максимум диалектных контекстов и слов в разных значениях, употребляемых во всем ареале, подлежащем отражению в словаре; слова с корнем *рибуш* отмечены к северу от Белозерья и Свири и по всей Карелии.

По методам полевого обследования диалектология приближается к этнографии там, где лингвист использует специальные программы.

---

¹⁵Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006.

Что касается программы ЛАРНГ с некоторой долей осторожности, до начала картографирования, можно думать, что такой специальный, углубленный характер носят программы О. А. Черепановой по духовной культуре и И. С. Лутовиновой по теме «Питание», О. Н. Мораховской, А. Д. Сыщикова и В. Л. Чалова по строительству и постройкам.

Пример Н. П. Гринковой — диалектолога и этнографа, работавшего долгие годы рядом с этнографами, до сих пор остается непревзойденным.

В идеале и в экспедиции лингвист и этнограф должны работать рядом, уточняя, просвещая и обогащая друг друга.

Каковы же сегодня, спустя 66 лет после опубликования работы Н. П. Гринковой, наши перспективы? Это расширение полевых и экспериментальных исследований, создание обобщенных атласов, словарей и монографий разных типов.

В связи с дальнейшей дифференциацией и интеграцией разных наук и появлением новых смежных направлений (структурная и прикладная лингвистика, этнолингвистика, семиотика, культурная антропология, культурная география) — это совершенствование современных методов исследования и поиск новых точек соприкосновения и пересечения близких гуманитарных наук, включая также философию, психологию, когнитологию, географию¹⁶. И этнографы, и лингвисты могут многое сделать — в уточнении таких общих категориальных понятий, как этническая общность, этнос, субэтнос, идентичность.

Сокращения

ЛАРНГ — Лексический атлас русских народных говоров.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / ред.

Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова, М. А. Тарасова. Вып. 1–25. Л./СПб.:

Изд-во ЛГУ/СПбГУ, 1967–2014 (издание продолжающееся).

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: СПбГУ, 1994–2005.

---

¹⁶Очерки исторической географии Северо-Запада. Славяне и финны / Под ред. А. С. Герда и Г. С. Лебедева. СПб., 2001.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–48. М.; Л./СПб.: Наука, 1965–2015 (издание продолжающееся).

A. Gerd. Linguistics and Ethnography

In the article discusses the history, formation and interaction of modern dialectology and ethnography in Russia, especially the meta-language of ethnography and dialectology.

Keywords: ethnography, dialectology, meta-language, modeling.

СЛЕДЫ ДРЕВНИХ РУССКО-НОРМАННСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Аннотация. В статье описываются норвежское слово *lefsa* и русское слово *лѣваши*, обозначающие кулинарные изделия, имеющие сходство внешнее и в технологии приготовления. Рассматриваются исторические предпосылки возможных русско-норманнских языковых контактов.

Ключевые слова: кулинарное изделие, северно-русские говоры, норманны, А. А. Шахматов, этимология слова, внутренняя форма русского слова.

В кулинарной культуре современной Норвегии имеет широкое распространение выпечное изделие из дрожжевого теста, в основном пшеничного, в виде тонкой сухой лепешки, которую перед употреблением в пищу смачивают водой, а затем смазывают маслом или джемом, или посыпают сахаром, часто корицей. Затем одной лепешке придают форму трубочки или конвертика, или складывают друг на друга несколько лепешек в виде прямоугольника или треугольника. Для начинок фантазии хозяек беспредельны: это может быть и сыр, и копченое мясо, и сливочный крем, и свежие ягоды.

Некоторые норвежцы делают эти лепешки из картофеля или добавляют картофель в тесто. Называется это изделие *lefsa* (*lefse*) (название употребляется во множественном числе). Стоит отметить, что в разных частях Норвегии, напр., в Западной или Северной, есть различия в употреблении начинок, в Северной Норвегии (*Nord-Norge*) любят использовать сметану.

Изделие может быть и из мягкого теста в виде блина. Эти *lefsa* лучше есть свежими, только что приготовленными.

В магазине в Норвегии мне попала упаковка западно-норвежских *lefsa* (*Vestlandlefsa*). На упаковке можно было прочитать красочное описание кулинарного изделия, рецепты его использования, но главное, был указан год (1630) и точное название места

в Западной Норвегии (Hardanger), когда lefsa впервые были приготовлены в данном регионе. Было в частности написано: «lefsa в те времена, равно как и сейчас, использовались и для ежедневного употребления, и в праздник. Различие в начинках (для праздника сливочный крем, свежие ягоды)». Lefsa могут быть приготовлены дома или их можно купить в замороженном виде в магазинах.

А что же дают норвежские словари?

В «Большом норвежско-русском словаре» В. П. Беркова: «lefsa (lefsa) — одна из традиционных выпечек, которую готовят из картофеля и белой муки в форме мягкого плоского хлеба, выпекается он на специальных плоских противнях. Рецепт lefsa, как и название (это может быть и лемса, и лепса) варьируется от региона к региону по всей Норвегии. Изготовление lefsa занимало, как правило, несколько дней, т. к. выпекалось очень много lefsa. Готовые они выглядели так: приблизительно 1 метр в диаметре и обычно 1 миллиметр толщиной. Они должны сохраняться сухими в больших стопках до момента использования. Lefsa были так приготовлены, что они имели хорошую способность к длительному хранению — иногда с осени (после уборки урожая картофеля) до следующего лета. Готовить красивые и тонкие lefsa — большое искусство.

После выпечки для lefsa рекомендуется сухое место для хранения, а перед употреблением обязательное увлажнение» (Берков: 703).

В «Норвежском словаре» 1937 г. lefsa (leiv, lev) ‘плоский хлеб’, указывается, что чаще используется lev. Lefse «блин, лепешка, хлебец. Изготавливают из муки высшего сорта, едят с маслом, сахаром, сиропом, точнее наносят эти ингредиенты на готовую лепешку» (Knudsen, Sommerfelt: 2906–2907). В «Норвежском словаре народного языка...» 2008 г.: «Lefse — один из видов выпечки, тонкой круглой. Выпекаются на противне, смазываются маслом, присыпаются сахаром, затем скручиваются в трубочки или режутся на кусочки, а также lefse — это разновидность жесткой

выпечки (круглый тонкий плоский хлеб)» (Grønvik: 247–249). Об этом изделии можно прочесть также и в Википедии¹.

В «Норвежском словаре...» 2008 г. (Grønvik) указано, что lefse скручиваются в трубочки, и мне вдруг вспомнилось, что в 60–70 гг. XX века в экспедициях по сбору материала для «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК) я видела в некоторых районах, напр., в Каргопольском, Онежском и др., как крестьяне ведрами собирали чернику, потом ее давили пестом, раскладывали ягодную массу на широких деревянных досках и ставили на солнце, а в непогоду подсушивали эту массу на стопившейся русской печи. На мои вопросы, для чего это делается, мне показывали свернутые в трубочки сухие ягодные пластины, которые в зимнее время после размачивания служили начинкой для пирожков и шанег. Эти сухие ягодные пластины называются *лэваши́*. В СРГК это слово описано как *лэва́ш* (СРГК, 3: 103), но следует подчеркнуть, что слово употребляется только во множественном числе, и материал словаря это подтверждает: *Лэваши́ можно изо всех ягод делать. (Плес.) Лэва́шница – доска называется, нацедил земляники, называется лэваши. (Карг.). В «Словаре областного олонецкого наречия»: лэваши́ ‘консервы из земляники, изготовленные крестьянами, землянику мнут, получается жидкая масса розового цвета, ее наливают на гладкие доски тонким слоем и сушат на солнце’ (Куликовский: 48). В СРНГ лэва́ш (обычно мн.) ‘род смоквы или сухого варенья, приготавливаемого из протертых ягод (редко с добавлением сахара или меда), высушенных на специальных досках (на солнце или в печи) в виде тонкого листа’. Слово сопровождается пометами Каргоп., Олон., Твер., Арх., Новг., Костром. (СРНГ, 16: 306). В форме единственного числа слово отмечено в (ОСАГ: 337). Еще более точные подтверждения находим в «Словаре Р. Джемса 1618–1619 гг.»: *lévasshī* ‘род русского мармелада, приготавливаемого из ягод с медом’ (Джемс: 190, 260). Англичане, которые вели записи в Архангельске, поставили ударение на первом слоге, так они услышали*

---

¹URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Lefse>

это слово. Думаю, что это достоверно. Впервые в памятниках русской письменности это слово зафиксировано в «Домострое»².

Хочу вернуться к норвежскому изделию lefsa (lefse), которое имеет некоторое внешнее сходство с *лѣваши* — сухие тонкие лепешки длительного хранения. Замечу, что в Норвегии слово lefsa зафиксировано на 100 лет позже (XVII в.), но это, кажется, не столь важно, т. к. технология приготовления кулинарного изделия, а именно тонкое раскатывание и подсушивание, могла возникнуть намного раньше, ведь, как установлено учеными, русские и норманны — жители Норвегии, Дании, Швеции, начиная с VIII в. могли иметь очень близкие контакты. «Начиная с VIII в. Европа в разных частях своих становится поприщем деятельности норманнов. Небольшими отрядами норманны совершали морские набеги на прибрежные страны (берега Белого и Балтийского (Варяжского) морей). По мнению Шахматова, археологические данные устанавливают наличие более или менее обширных скандинавских поселений в IX–X вв. на территории России в пределах бывших Петроградской, Новгородской, Ярославской и др. губерний»³. А. А. Шахматов писал, что почти «всё восточное славянство... попали под влияние разных политических сфер: север и северо-запад — в сферу скандинавского влияния»⁴. «Походы норманнских викингов вызывались разнообразными причинами: главными являются скудость доставляемого их странами пропитания, а также установления в Норвегии единодержавия, разрушившего самостоятельность областей и стоявших во главе их вождей»⁵. Кроме того, «варяги-норманны состояли на службе в качестве наемной дружины и у русских князей»⁶. «Благодаря брачным союзам скандинавов они в течение XI в. смешались

---

²Лутовинова И. С. О некоторых названиях пищи в «Домострое» // Язык и текст. СПб., 1998. С. 137.

³Державин Н. С. Происхождение русского народа. М., 1944. С. 67.

⁴Державин Н. С. Указ. соч. С. 66.

⁵Шахматов А. А. Русская диалектология. СПб., 2010. С. 245.

⁶Державин Н. С. Указ. соч. С. 60.

с туземным населением, финским и славянским»⁷. Подтверждения русско-норманнским связям находим и в трудах современных ученых, например, Санкт-петербургского историка Н. И. Милютенко, по словам которой: «в IX в. на южном побережье Балтийского моря была скандинаво-славянская мешанина»⁸.

Возвращаясь к названным выше кулинарным изделиям, хочу подчеркнуть, что не следует говорить о каких-либо заимствованиях, но контакты людей, безусловно, отразились в языке. Хотелось бы отметить также, что и норвежское, и русское (севернорусское) слово произносятся с ударением на первом слоге и употребляются только в форме множественного числа. Важно и то, что в основе обозначаемых ими изделий — засушивание и длительное хранение.

Однако, рассуждая о русском слове *лѣваши*, необходимо привести гипотезу его происхождения, высказанную В. И. Далем: он предположил, что слово *левашник* ‘выпечное изделие с левашами’ образовано от глагола *лить* (формы *лей*, *влей*) (Даль, II: 242), и мне думается, что это правильно: важно, что ягодная масса разливается. В других словарях не совсем точно *левашник* определяется как ‘пирожок с ягодной начинкой’ (САР, Сл. 1847, Даль, II: 242). Точнее — с начинкой из размоченных ягодных пластинок. В «Домострое», памятнике XVI в. читаем: «А левашы ягодные... дѣлать варить ягоды добрѣ долго, да... протереть сквозѣ сито, да с патокою упарит<и> густко... то лити на доски на солнце... а как сядет... А не сядет от солнца, ино против печи сушить, а как сядет — вертети в трубы» (СРЯ, 8: 184). В памятнике XVII в.: «Высушимъ на солнце по обычаю, аки левашы» (СРЯ, 8: 184).

Кстати, при изготовлении тонких бездрожжевых *lefsa* тесто также наливается на противни. Можно предположить, что ягодные *лѣваши* могли возникнуть раньше, т. к. на Севере, где жили скандинавы и славяне, пшеница не растет.

---

⁷ Шахматов А. А. Указ. соч. С. 246.

⁸ Откуда пришел Рюрик? Беседа с Н. И. Милютенко // Санкт-Петербургские ведомости. 2015. 7 октября.

Этимологи связывают происхождение слов *леваш* с тюркским лаваш⁹. Теперь я могу не согласиться с этой этимологией: слишком прозрачна внутренняя форма слова. Норвежские этимологи следующим образом трактуют *lefse*: в норв. ‘сочный и плоский хлеб’, в сев. диал. *lefsa, lev*, в дат. *lev* ‘хлеб’, норв. фольклорн. *leiv* ‘плоский хлеб’, стар. норв. *hleifr* ‘круглый пирог’, равняется готскому *hlaifs* ‘хлеб’, англо-саксонск. *hlâf* (англ. *loaf*), старый разг. нем. *leip*. От германского происходит старославянский *chlěbŭ* ‘хлеб’, литовский *klėpas*, латвийский *klaipas*, финский *leipä*. Родственно латинскому *libum* ‘жертвоприношение, пирог’ (Falk, *Torp*: 450, 455; *Bjorwand, Lindeman*).

Сокращения

- Берков — Большой норвежско-русский словарь [Stor norsk-russisk ordbok : словарь / Отв. ред. В. Берков. —1 utgave]. Oslo: Kunnskapsforlaget, 2003.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.-СПб., 1880–1882. Т. 2. М., 1881.
- Джемс — *Ларин Б. А.* Русско-английский словарь-разговорник Ричарда Джемса 1618–1619 гг. Л., 1959.
- Куликовский — *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- ОСАГ — Обратный словарь архангельских говоров. М., 2006.
- САР — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Тт. 1–6. СПб., 1806–1822.
- Сл. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Тт. I–IV. СПб., 1847.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: СПбГУ, 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Тт. 1–48. М.; Л.; СПб., 1965–2015.
- СРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–2011.
- Bjorwand, Lindeman* — *Bjorwand, H., and Lindeman F.* *Våre arveord: etymologisk ordbok* [Этимологический словарь норвежского языка]. Oslo: Novus Forlag, 2000.

---

⁹*Лутовинова И. С.* Судьба древних заимствований в говорах Русского Севера (названия пищи) // Севернорусские говоры. Вып. 7. СПб., 1999. С. 102.

Falk, Torp — Falk, Hjalmar, og Torp, Alf. Etymologisk ordbog over det norske og det danske sprog [Этимологический словарь норвежского и датского языков]. Oslo: Universitetsforlaget, 1994.

Grønvik — Norsk ordbok. Ordbok over det Norskefolkemålet og det Nynorske Skriftmålet / Hoviredaktorar Oddrun Grønvik og andre. Bind 1, annet halv bind B. VII [Норвежский словарь народного языка и нового норвежского письменного языка. Т. VII]. Oslo, 2008.

Knudsen, Sommerfelt — Knudsen T., Sommerfelt A. Norsk riksmålsordbok [Норвежский словарь государственного языка, изданный для защиты государственного языка вне дома]. Oslo: Aschehoug, 1937.

I. Lutovinova. Traces of Ancient Russian-Norman Language Contacts

The author describes the Norwegian word *lefsa* and Russian word *levashi* which means culinary products that are similar in form and preparation. The historical background of possible Russian-Norman language contacts is discussed in the article.

Keywords: culinary product, the Northern Russian dialects, Normans, A. Shakhmatov, etymology, the interior form of the word.

СЕВЕРНОРУССКАЯ ЛЕКСИКА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ КОНТЕКСТЕ*

Аннотация. В статье предпринимается попытка этимологического анализа севернорусской лексики, которая трактовалась ранее как прибалтийско-финская по происхождению. Особый акцент в работе делается на широкий охват материала, включая данные восточнославянских языков. Отмечается важность учета различных направлений иноязычного воздействия. Рассматривается вероятность различных этимологий с учетом бытования в диалектном континууме и общенародном лексиконе.

Ключевые слова: этимология, украинский, белорусский, прибалтийско-финские языки, севернорусские говоры.

Маргинальные диалектные ареалы довольно часто сохраняют в лексической системе архаизмы, представляющие собой следы восточнославянского единства. Хотя вряд ли следует оспаривать мысль Ф. П. Филина, что «остается несомненным одно: лексико-семантические особенности русского и украинского языков стоят на языковом, а не диалектном уровне»¹. Анализируя возможное количество единиц праславянского фонда, он писал об их ареальной специфике: «Примеров древних лексических восточнославянизмов, обособляющих древнерусский (прарусский) язык от словарного состава других славянских языков, в ЭССЯ очень много. Еще больше праславянских слов, которые с древнерусской эпохи были диалектизмами внутри самой восточнославянской территории. Многие восточнославянские диалектизмы выходили за пре-

---

*Исследование проведено в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 13-04-00166а «Лингвогеографическое описание лексики русских народных говоров на материалах “Лексического атласа русских народных говоров” и данных региональных словарей».

¹Филин Ф. П. Историческая лексикология русского языка / Под общ. ред. и с предисл. В. Я. Дерягина. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 159.

делу этой территории и имели причудливые изоглоссы в южных и западных славянских областях. Все это нуждается в подробном исследовании»².

В данной работе предпринимается попытка рассмотреть севернорусские лексические единицы, которые также отмечаются на украинской, белорусской почве, а также в русских говорах позднего заселения, в этимологическом аспекте. Источниками послужили восточнославянские диалектные лексикографические источники.

Анализируя совокупность единиц, имеющих севернорусские фиксации и украинско-белорусские соответствия, можно выделять различные аспекты такого сходства.

В первую очередь выявляются единицы, которые репрезентируют былое славянское единство, например русск. сев. лексема **вѣко** 'крышка плетеной емкости (корзины, короба, теса и т. п.), деревянная или плетеная', отмеченная в Вельском, Вилегодском, Ленском, Лешуконском, Устьянском, Холмогорском районах Архангельской области и Бабушкинском, Великоустюгском, Нюксенском, Тарногском, Тотемском районах Вологодской (СГРС, 1), при имеющихся и других диалектных севернорусских материалах, например: **вѣко** 'крышка теса или лукошка' Арх. (Подвысоцкий). Имеются следующие славянские соответствия: укр. **віко** 'крышка сундука, квашни, бадьи, гроба и пр.' (Гринченко, 1: 237), словен. **véka** ж. 'крышка, веко', чеш. **víko** 'крышка', при литов. **vóka** 'крышка', латыш. **vâks** 'крышка' (Фасмер, 1: 286). А. К. Матвеев предполагает, что русск. сев. **рѣпало** 'крышка пестеря, кузова' (Матвеев, 1995: 32) имеет такую же семантическую основу для крышки пестеря (Матвеев, 1995: 32), полагая, что для последней может иметь место конкретный прибалтийско-финский словарный источник, однако ближайшие аналогии в современных прибалтийско-финских языках обнаружить не удалось (Матвеев, 1995: 32). Ср., однако, **рѣпало** 'тот, кто часто моргает глазами'

---

²Там же. С. 42.

Холмог. Арх., 1907 (СРНГ, 35: 104), связанное с фин. *girata*, вепс. *giritada* 'моргать' (SKES: 805).

В ряде случаев севернорусское слово при тождественной семантике на восточнославянской почве имеет вариативную форму, например *кука-бака* 'одуванчик' Вожегод. Волог. (СРНГ, 16: 31), при укр. *кульбаба* 'растение одуванчик' (Гринченко, 2: 323). Вряд ли следует севернорусские данные сопоставлять с коми *кукабак*, *кукобака* 'трутовик, березовая губка' (ССКЗД: 272), также как и сопоставлять это слово с русск. диал. *куколь*, которое фиксируется для различных наименований растений, ср., например: *куколь* 'клевер' Пошех.-Волод., Молог. Ярослав., 1849. Новг. (СРНГ, 16: 42). Однако, исходя из тождества семантики, более вероятно рассматривать севернорусское *кука-бака* как преобразование русск. *кульбаба* 'одуванчик' Кубан. (Ст. Удобная), Дон. (Миртов, 1929). *Кульбаба* 'растение *Senecio vulgaris* L., сем. сложноцветных; крестовник обыкновенный. Екатеринослав. (Анненков). 'Растение *Leontodon Taraxacum*, сем. сложноцветных; одуванчик' Южн. (Даль), которое может иметь связь с тюркскими данными, ср. казах. *бақбақ* 'одуванчик' (Бектаев, КРС: 84). В. Б. Колосова, однако, полагает, что «свойство стеблей одуванчика сворачиваться, будучи расщепленными, отражено в фитонимах *кульбаба* (Ср. Приобье), белорусск. *кульбаба*, укр. *кульбаба*, *кульбака*: «як задерти бадилля, то кулится» (Анненков, 1876: 350; Колосова, 2009: 190).

В ряде случаев русское диалектное слово имеет широкую ареальную дистрибуцию, при маргинальной украинской, причем, вероятно, связанной с русским же влиянием. Ср. русск. диал. *мо́ршни* 'грубая рабочая обувь из сыромятной кожи' Сольвыч., Никол., Ярен., Великоуст. Волог., 1841. Волог., Сев.-Двин., Арх., Забавная, Нерч. Иркут., Бурят. АССР, Читин., Амур. (СРНГ, 18: 281); при укр. *моршень* 'башмак, сделанный из цельного куска кожи' Сумский уезд (Гринченко, 2: 446).

Одно из наименований обуви фиксируется в украинском, белорусском и русском языках, при том, что оно является прибалтийско-финским заимствованием. Ср.: укр. *Кендя*, -ді, ж. Чаще во

мн. ч. **кѣнді**, -дів. 1) Валенки, валеные калоши. 2) В насмешку так называют большие сапоги (Гринченко, 2: 235). Авторы ЭСУМ, при белорусск. **ке'ньги** 'теплі калоші', укр. **кенді**, **кінді**, в том же значении, что и в словаре Гринченко, рассматривают как заимствование из русского языка, при прибалтийско-финских источниках русской единицы (ЕСУМ, 2: 423). Ср. также: *Надів на ноги кинді нові і рукавиці взяв шкапові* (И. П. Котляревский. Энеида).

Следует отметить, что в русском языке соответствующее слово в XVIII веке было представлено в общенародном лексиконе, ср.: **Кѣньга**, употребительнее во множ. **Кѣньги** «зимняя из телячьей или оленьей кожи с шерстью обувь, которая и внутри подпушена мехом или байкою, похожая на коты и надеваемая для тепла сверх башмаков и сапогов»: *Купить кеньги. Надеть кеньги* (САР 1, 3: 507). В XIX веке слово также еще отмечается как единица широкого распространения: **кѣньга** «зимняя обувь, подшитая внутри мехом или байкою, и надеваемая сверх башмаков или сапогов» (Слов. Акад., 1847, 2: 170). Ср. также данные В. И. Даля: **Кѣнги** «калоши, головка с подошвами сверх сапог; теплая обувь, валенная, меховая или кожаная с теплым подбоем, но без голенищ» (Даль, 2: 105). Традиция подачи этого слова продолжается в БАС, однако в XX веке слово уже имеет диалектную помету: **Кѣньги**, мн. (ед. **кеньга**, ж.). Обл. Особая зимняя обувь, подшитая внутри мехом или байкой и надеваемая сверх башмаков или сапог. // Сапоги из оленьих шкур, сшитые шерстью наружу (БАС, 5: 925).

Об общерусском характере распространения слова в XIX веке свидетельствует его широкое представительство в литературных источниках того времени:

Зимой путники и часовые поверх сапог или валенок надевали кеньги — высокие, выше щиколоток, кожаные, меховые или валяные галоши. В сырую непогоду в XIX в. стали носить низкие галоши, сначала кожаные, с конца XIX в. — резиновые. (Л. В. Беловинский История русской материальной культуры)

Как бы мне dokonать этого долгохвостого хахаля и сделать из шкуры его детям тулупы и кеньги. (В. А. Жуковский. Письма к А. С. Пушкину)

Тут барин подоспел домой из булеvara, Снял кеньгу мокрую, снял мокрый сапожек. А ножку? — нет ее он поберег. И высушил, согрев водой из самовара. (П. А. Вяземский. Кеньга, сапог и нога)

На ногах натянуты были белые кеньги, а на туловище мохнатый ергак с шерстью снаружи придавал Василию Ивановичу красоту гомерическую. (В. А. Соллогуб. Тарантас. Путевые впечатления)

А я плюнул ему в эти кеньги и сказал: — Ну, так вот, скажи же своему королю, что я ему в калоши плюнул. (Н. С. Лесков. Смех и горе)

Жид купил мне поношенный тулуп, шапку и кеньги; Рифка дала на дорогу целую связку баранок. (Ф. В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин).

Вероятно, достаточно широкое распространение этого слова связано с внедрением реалии им обозначаемой в военный обиход.

Образовалось отверстие, голова в него проходила свободно. Вспомнил он, как хлопали по грязи кеньги часового, удалялся влево отблеск штыка. (В. А. Гиляровский. Беглый)

Калош тогда и в помине не было, а если бы военный человек надел кеньги, или что-нибудь подобное — его осмеяли бы. (В. В. Крестовский. Уланы Цесаревича Константина)

Гренадеры, подторкнув полы шинелей под патронные ремни, с чавкающим звуком вытягивали из грязи чудовищные кеньги, облепленные глиной. (И. Лукаш. Пожар Москвы)

В этой связи следует отдельно рассматривать источники, относящиеся непосредственно к описанию материальной культуры Севера, которые представлены в этнографических исследованиях и путевых записках.

Для езды в гости сбрую на оленей держат унизанную бисером и ушитую маленькими лоскутками разных цветных сукон. Обувь свою или кеньги по сторонам так же унижают бисером; ноги обвертывают сукном, которое плотно и гладко увивают шерстяными крашеными оборами или поясами. Когда же к лопарю придет гость. (Н. Я. Озерецковский. Описание Колы и Астрахани)

*Летом норвежский терский лопарь надевает юпу — та же ма-
лица, только из серого сукна, с нашитыми на ней яркими сукон-
ными лоскутками, — шерстяной колпак и кеньги.* (В. И. Немиро-
вич-Данченко. Лопари)

Весьма обширные фиксации слова **кеньги** имеются в русских
говорах, причем все они дифференцируются этимологически.

Выделяются материалы, которые соотносятся со смежными
прибалтийско-финскими языками (диалектами). Так, например,
имеются данные влияния тверского диалекта карельского языка:
Кёнги 'плетеная обувь из веревок': — *Кенги плели из верёвок, оне
наподобие лаптей. Кенги из верёвки, чуни, у кеног пряменький но-
сочек и низ из верёвок.* Борович. (НОС, 4: 38). Ср. кар. твер. kengä
'обувь, обувка (чаще об изношенной обуви)' (СКЯП: 94).

Сугубо севернорусские данные соотносятся с прибалтийско-
финскими этимонами.

Кёньги 'сапоги' Олон. (Куликовский). «На языке русских сло-
во кеньги означает большие неуклюжие сапоги, сшитые из белой
кожи, худо смазанные дегтем. Кореляки же называют кеньгат вся-
кую кожаную обувь» Олон. (Лесков; КСРНГ). **Кеньги́** 'сапоги с за-
гнутыми кверху носками из грубой кожи, предназначенные для
рыбной ловли' Кандалакш. (СРГК, 2: 340). 'Зимняя обувь из ме-
ха или войлока' Кондоп., Кандалакш. (СРГК, 2: 340). 'Войлочные
тапочки' Подпорож. (СРГК, 2: 340). **Кёньги-упаки** 'сапоги из оле-
ньей шкуры мехом внутрь с загнутыми кверху носками': *Так ещё
звали: — Ке'ньги-у'паки одева'й. Не знаю ф шутку или как кень-
ги-упаки назывались. Ребяти'шкам шы'ли, укра'сят и верх тако'й
за'гнутый.* Беломор. (Княжая Губа) (ПЛГО).

Причем данные коми языка вряд ли следует трактовать как
ненецкое заимствование, как это делается в КЭСКЯ, ср. коми
ижем. кольск. теньгей 'пимы для детей' (ССКЗД: 367), при ненец.
t'ejkdei p'ibva 'то же' (КЭСКЯ: 279). На наш взгляд, направление
заимствования может быть следующим: прибалтийско-фин. >
русск. диал. > коми > ненец. Причем вариативность [k] / [t] пе-
ред гласными переднего ряда весьма характерны и для русских
говоров: **Тёньки** 'легкая обувь из кожи, без каблуков и без задни-

ков; теньки привязывались к ноге шнурками или тесёмками»: — *На сенокос всей семье шили теньки*. Любим. Ярослав. (ЯОС). **Тѣньги** «теплые короткие сапоги» Перм. (Даль, 4: 408). **Тѣньги** «зимняя обувь из войлока или меха; кожаная обувь без голенищ с меховой подкладкой» Нижегород. (Kalima, 1915: 111). **Тѣньги, теньгири́** «зимняя обувь из кошмы в виде галош, одеваемая на сапоги» Р. Урал (Малеча). «Легкая обувь без каблуков из овчины мехом внутри» Р. Урал (Малеча).

Уральские и сибирские данные трудно трактовать как-то однозначно, возможно, что их распространение обусловлено распространением реалии в казачьих войсках, например: **Кѣньги** «меховые галоши, надеваемые часовыми и арестантами сверх сапог и бродней» Сиб., Дубке, 1893 (СРНГ, 13: 181). **Кѣньги** «сапоги из оленьих шкур» Урал, 1930 (СРНГ, 13: 182). **Кѣньги** «Сапоги из оленьих шкур, сшитые шерстью наружу» Перм., 1848 (СРНГ, 13: 182). **Кенги** «оленьи хребтовые сапоги» Перм. (Даль, 2: 105).

Донские данные совершенно очевидно фонетически соотносятся с украинскими: **Кѣнди** «род галош из валенной шерсти» Дон. (Калмыков, 1897; СРНГ, 13: 181). «Валенки с отрезанными голенищами» Дон. (Миртов, 1929; СРНГ, 13: 181), при укр. **кенді́** «зимние чулки», «большие сапоги» (Фасмер, 2: 223).

В этимологическом плане севернорусское **кеньги** имеет давнюю традицию исследования, которая относит эти материалы к карельско-вепским источникам: Kalima, 1915: 111; Веске, 1890: 89; Лесков, 1892: 99; Погодин, 1904: 29; Фасмер, 2: 223; Аникин, 1997: 294. Ср. также: кар. *kengä* «обувь, сапоги» (KKS, 2: 127), кар. твер. *kengä* «обувь, обувка (чаще об изношенной обуви)» (СКЯП: 94), ливв. *kengu* «сапог, обувь» (СКЯМ: 132), при вепс. *keng'ad* «обувь (любая)» (СВЯ: 194), люд. *keng* «сапог», фин. *kenkä* «обувь», водск. *tšentša* «обувь» (SKES: 181). Из ливск. *käänga* «обувь» было заимствовано в латыш. *k'eng'e* «вид обуви», а из фин. в современный шведский — *käng* «обувь» (SKES: 181).

Изолированный анализ происхождения севернорусской лексики нередко приводил и приводит к не вполне оправданной уникализации севернорусских данных, тогда как рассмотрение их

этимологии на широком фоне дает возможность дифференцировать как будто однородный материал на гетерогенные гнезда. Еще один пример подобного рода:

Ла́ты ‘деревянный настил в чуме’ Печор. (СРГНП, 1: 376), «деревянные доски, которыми огораживают раскладываемый среди самоедского чума огонь» Мезен. (Подвысоцкий: 81); **ла́ты** ‘пол в чуме’, ‘дощатый стол для разделки рыбы’ Мезен. (Матвеев, 1996: 74). Вероятно, приводимые материалы восходят к коми ижем. лата ‘доски, настилаемые в чуме вместо пола’ (ССКЗД: 194), причем коми данные прибалтийско-финского происхождения, ср. фин. *lattia*, ливв. *lat'e*, люд. *lat't'i* ‘пол (в помещении)’, которые в свою очередь из древнегерманских источников, ср. др.-норв. *flet*, pl. *fletja* ‘земляной пол’, англосакс. *flett* ‘пол’, при том, что саамские данные — из финского языка, ср. саам. швед. *latte*, лулск. *làhtté*, саам. норв. *lat'te*, инар. *lätt'é* ‘пол’ (SKES: 280). Причем авторы SKES семантически сходные данные, ср. фин., ливв. *loud*, *laud*, *lād* ‘доска’ (СВЯ: 279), ливв. *lawdu* ‘доска, тес’ (СКЯМ: 180), — рассматривают на прибалтийско-финской почве (SKES: 283). Следует отметить, что ненец. лата ‘доска; пол (в чуме)’ (Терещенко: 178), вероятно, является коми заимствованием. А. К. Матвеев приводит только ненецкие сопоставления (Матвеев, 1996: 74).

Также прибалтийско-финское происхождение имеет лексема **ла́та** ‘поперечная жердь в изгороди’, зафиксированная в Причудье (Мехикоорма) (Мюркхейн, 1973: 3). Однако она возводится к смежным эстонским источникам, ср. эст. *latt* ‘жердь, шест’ (Мюркхейн, 1973: 3). Кроме того, на общевосточнославянском фоне имеются обширные данные, которые следует уже рассматривать в контексте германо-славянских контактов: **ла́га** ‘поперечная жердь в изгороди’ Кубан. (Бесстрашная, Калиболотская) (РГК), **ла́тка** ‘доска, переброшенная через речку, ручей’ Кубан. (Ахметовская) (РГК), **ла́ты** ‘специальные доски для крыши (вероятно, для стропил — С. М.)’ Кубан. (Воздвиженская) (РГК), **ла́га** ‘длинная толстая жердь’ Курганин., Динск., Мостов. Краснодар. (Борисова, 2005: 140), **ла́га** ‘деревянная жердь’: — *Мы называли извяски, а тут, большы лата называютъ*. Казаки-некрасов-

цы (Грязнова), *ла́га* ‘решетник’: — *На стропилы латы пришиваются, а потом накладывают крышу саломой или чаканам.* Дон. (БТСДК). При укр. *ла́га* ‘длинная жердь или доска, которую кладут поперек стропил’, белорусск. *ла́га, ла́ты, ла́тэ* ‘жерди, на которые настиляется крыша’, ‘жердь, которой прижимают солому на крыше’, при ст.-белорусск. *лата, латва* ‘то же’ (XVI в.). Причем, белорусские данные рассматриваются как заимствование из ст.-польск. *lata*, восходящее к германским источникам так же как и эстонское слово: ср.-верх. нем. *Latte, late* ‘планка, рейка, дранка’ (ЭСБМ, 5: 249; ЕСУМ, 3: 199). Таким образом, данные печорских говоров на уровне конечного источника можно представить следующим образом: герм. > прибалтийско-фин. > коми > русск. диал.

Имеется ряд широко распространенных данных, относящихся к рыболовецкой терминологии, которые отмечаются в севернорусских кубанских говорах, донских говорах и представлены в украинском и белорусском языках: *балбе́ра* ‘поплавок у невода, трала’ Мезен., Примор., Вашк. *Вверху поплавки, березовой поплавок балбера называется, внизу кибас.* Мезень. *Балберы из красного дерева делаются.* Мезен. *Балберы есь металлические, есь стеклянные.* Примор. *Балбе́рка* ‘то же’ Мезен., Примор. *Балберки на верхней тетивы у больших неводов.* Мезен. (СГРС, 1). *Балбе́ра* ‘поплавок рыболовной снасти’ Терск. (Меркурьев, 1979: 20); *балбе́ра* ‘поплавок из коры дерева или из пенопласта’ Терск., Севмор. (СРГК, 1: 35); *балби́р* ‘то же’ Кандалакш. (СРГК, 1: 35). Причем первая фиксация по СРНГ относится к Терскому казачьему войску: *балбе́ра* ‘кора дерева (обычно тополя, ивы, осины); поплавок из нее для рыболовных снарядов’ Терек., 1907. Колпаш., Верхнекет. Том. (СРНГ, 2: 77–78); *балбе́рка* ‘поплавок из древесной коры, привязываемый к рыболовной сети’ Астрах., 1840. Волж., Вят., Обь-Енисейск. водн. бассейн, Том., Ульч. Хабар. (СРНГ, 2: 78). Сходные данные отмечаются в других казачьих говорах: *балбе́рка* ‘поплавок’ Юго-вост. Кубан., *балбе́ра* ‘поплавки у невода’: — *Правильно балбе́ра, а мы называем чинбура́.* Дон. (Миртов). *Балбе́р* ‘поплавок’, *балбе́ра, барбе́ла, балбе́рка, барбе́лка* ‘поплавок из де-

рева, коры, прикрепляемый к верхней подворе сети или невода, чтоб они не утонули' Р. Урал. (Малеча). Бурнашев отмечает **балберочные снасти** у волжан (низовых) и каспийских рыбаков (Бурнашев). Следует подчеркнуть, что анализируемые данные отмечались в словарях русского языка с XVIII века, хотя фиксировалась их региональная специфика: **балбёрка, бабáшка** «поплавок, сделанный из древесной коры, прикрепляемой к удам на самоловах, или к называемой так шашковой снасти, употребляемой на Волге и в Сибири рыбаками» (САР 2); **балбёрка, бабáшка** «обл. поплавок из древесной коры, прикрепляемый к удам а самоловах, употребляемых на Волге и в Сибири» (Слов. Акад., 1847); **балбёра, балбёрка** 'бабашка, шашка,' поплавок из дерева или коры на неводах и переметах' (Слов. Акад., 1895); **балберочная снасть** 'перемет с крючьями, с удочками без наживы для ловли красной рыбы' (Слов. Акад., 1895).

В отношении этих данных высказывались различные версии — как о заимствованном, так и об исконном характере их происхождения. Исходя из широкого распространения вряд ли следует сопоставлять севернорусские материалы с прибалтийско-финскими данными, ср. фин. *rola* 'поплавок или палка, на месте где поставлена крючковая рыболовная снасть, верша или сетка,' 'рыболовная снасть, с леской и плавающим бум,' 'удочка на щуку,' которое рассматривается как саамское заимствование (SKES: 594). Также вряд ли возможно несмотря на сходство формы и семантики сопоставлять с лексемой **балда́к** 'большой стакан, кубок' (Слов. Акад., 1895: 102), при **набалда́шник** 'толстый конец, головка трости' из ***набалдачник**, тюркского происхождения, ср.: татар., казах., турец. *baldak* 'гладкое кольцо без камня,' 'эфес сабли; шар; головка на сабельной рукояти,' чагат. *baldak* 'то же' (Радлов, 4: 1503; Фасмер, 1: 114). Отмечаются сходные данные в украинском языке: укр. **балбёра, балбёра** «род рыболовного снаряда: ряд крючков на веревке с поплавками» Черномор.; **балбёрка** «поплавок в рыболовных сетях» Черномор. (Гринченко, 1: 24). Причем в ЕСУМ украинские данные наряду с русскими трактуются как заимствование из итал. *barbaia* 'большая ры-

боловная сеть', с мотивацией на итальянской почве, связанной с названием рыбы, которую ловят такой сетью (ЕСУМ, 1: 125). Эту версию А. Е. Аникин рассматривает как неприемлемую, при румын. *bulber* 'поплавок самоловной снасти' из русского (Аникин, 2: 131–132). На почве белорусского языка, ср. белорусск. *балберка* 'поплавок', трактуется как слово темного происхождения, хотя и высказывается предположение о его исконной основе **балаб-*, **балб-* 'что-либо круглое, кругляшок' (ЭСБМ, 1: 290).

В ряде случаев диалектная севернорусская лексика прибалтийско-финского происхождения, представленная сходными вариантами на восточнославянской почве, выходит за пределы диалектного континуума и функционирует как терминологическая единица. Рассмотрим в этой связи лексемы *ка́рты* и *ка́рда*. Только севернорусскую локализацию имеет следующая лексема:

Ка́рты 'парные дощечки с ручками, с множеством проволочных зубьев для чесания шерсти' Беломор. (Сумский Посад) (ПЛГО). **Карта** «щетка для чесания шерсти» Северомор., Терск., Кандалакш., Медвежьегор., Кондоп., Пудож., Подпорож., Кирил., Вытегор. (СРГК, 2: 329). **Карты́** 'чесалка' Кандалакш. Мурман. (Меркурьев, 1979: 63). «Доска с железными шпиньками для расчесывания овечьей шерсти». Пинеж., Мезен., Арх. (Подвысоцкий). «Проволочная щетка для расчесывания овечьей шерсти» Мурман., Медвежьегор. КАССР, Арх. (СРНГ, 13: 98).

Данный материал восходит к карельским источникам, ср. кар. *kartta*, люд. *kartte* 'чесалка' (SKES: 166), ливв. *karti* 'одна из щеток для расчесывания шерсти' (СКЯМ: 126), кар. сев. *kartta* 'чесалка' (KKS, 2: 79); причем прибалтийско-финское гнездо в свою очередь было заимствовано из скандинавских языков, ср. швед. *karda*, датск. *karde*, *karte*, куда через немецкое посредство, ср. средн.-нижненем. *karde* 'чесалка' (SKES: 166). Однако имеется сходный вариант, который представлен в общенародном лексиконе. Вероятно, единица, зафиксированная в БАС, напрямую восходит к германским источникам, ср. нем. *karde*: **Карда**, -ы, ж. Спец. 1. Стальная щетка для расчесывания волокна, хлопка, шерсти; игольчатая лента. 2. В льняном производстве — то же, что

чесальная машина (БАС, 5: 813). Причем это слово во французском языке известно с XIII в., как заимствование из провансальского, ср. франц. *carde*, прованс. *carda* (DELF: 142). На наш взгляд, следует разграничивать диалектное слово **карты** и единицу одной из терминологических система русского языка — **карда** (варианты **карта**, **кард**) ‘щетка из репейных шишек или проволоки для чесания хлопка и шерсти и начесывания ворса’ (СРЯ XVIII, 2: 256), возводимое авторами к немецкому или голландскому источникам, при современном: **карда** — «кардная лента — лента из кожи или многослойной прорезиненной ткани, усаженная стальными согнутыми под углом иглами; примен. в чесальных (кардных) машинах», заимствованное из франц. *carde* ‘шерсточесалка’ (СИС, 1989: 221). Преображенский слову **карда** ‘ворсильная щетка’ дает немецкую этимологию, нем. *karde* (Преображенский: 298), Фасмер не исключает и польское посредство, ср. польск. *karda* (Фасмер, 2: 196).

Имеются также сходные украинские данные, ср. укр.: **Карда** ‘железная щетка, которою расчесывают шерсть или лён’ (Гринченко, 2: 221). Авторы ЭСУМ предполагают заимствование из немецкого языка через польское посредство (ЕСУМ, 2: 389). Спорадически фиксируется севернорусская единица: **Кáрды** ‘щетки для чесания шерсти и льна’: — *Кардами лён чешут: на руку намотают, расчешут, потом перевернут, а шерсть двумя кардами чешут*. Чагодош. (Приворот) (СГРС). Поскольку лексема **кáрда** является принадлежностью одной из терминологических систем, то при заимствовании в русские говоры из этого источника, мы должны иметь интердиалектную единицу со спорадическими фиксациями на всем общерусском пространстве без ареальных ограничений. Совершенно очевидно, что ареальная дистрибуция лексемы **кáрты**, очерченная территорией Мурманской, Архангельской, Вологодской областей и Республики Каре-

лии (контактной зоной), явно указывает на этимологическое различие внешне сходных вариантов *карда* / *карты*³.

Таким образом, основой для эвристического исследования в сфере этимологии может быть только полная совокупность данных: варианты формы слова, полный семантический объем гнезда, ареальная привязка анализируемых данных. Причем следует учитывать, что семантика номинативной единицы обычно гораздо устойчивее ее звуковой реализации.

Сокращения

- Аникин — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Выпуск 2. Б-Бдынь. М., 2008. 336 с.
- Анненков — *Анненков Н. И.* Ботанический словарь. СПб., 1878.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти тт. М.; Л., 1948–1965.
- Бектаев, КРС — *Бектаев Калдыбай.* Казахско-русский и русско-казахский словарь. Алма-Ата, 1995. 703 с.
- Борисова — *Борисова О. Г.* Кубанские говоры: материалы к словарю. Краснодар, 2005. 252 с.
- БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества. Ростов н/Д., М.: 2003. 608 с.
- Бурнашев — *Бурнашев В.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Тт. 1–2. СПб., 1843–1844.
- Веске — *Веске М. П.* Славяно-финские культурные отношения по данным языка // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1890. Т. VIII. Вып. 1. 303 с.
- Герасимов — *Герасимов М. К.* Словарь уездного Череповецкого говора // Сб. ОРЯС, т. 87, № 3, 1910. С. 1–111.
- Гринченко — *Грінченко Б. Д.* Словарь української мови. Тт. I–IV. Киев, 1907–1909.

---

³О соотношении этих данных с лексемой *карзы* см.: *Мызников С. А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004. С. 199.

- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Тт. 1–4. М.-СПб., 1880–1882.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Тт. 1–6. Київ, 1982–2012.
- Колосова — *Колосова В. Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: «Индрик», 2009. 352 с.
- КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров. Словарный отдел Института лингвистических исследований РАН.
- Куликовский — *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- КЭСЛЯ — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- Лесков — *Лесков Н. Ф.* О влиянии корельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии // Живая старина, 1892, № 4, С. 97–103.
- Малеча — *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Тт. 1–4. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002–2003.
- Матвеев, 1995 — *Матвеев А. К.* Аппелятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов // Вопросы языкознания, 1995, № 2. С. 29–42.
- Матвеев, 1996 — *Матвеев А. К.* Новые данные о ненецких заимствованиях в севернорусских говорах // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1996. Вып. 6. С. 72–79.
- Меркурьев — *Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979. 184 с.
- Миртов — *Миртов А. В.* Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929. 415 с.
- Мюркхейн — *Мюркхейн В.* Эстонские лексические заимствования в одном из русских говоров Эстонской ССР // Советское финно-угроведение, 1973, т. IX, № 1. С. 1–9.
- НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.
- Носович — *Носович И. И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- ПЛГО — Полевое лингвогеографическое обследование автора.
- Погодин — *Погодин А. Л.* Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия, 1904, № 4. С. 1–72.
- Подвысоцкий — *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

- Преображенский — *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914.
- Радлов — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV. СПб., 1899–1911.
- РГК — Русский говор Кубани (словарь). Под ред. доц. Е. П. Шейниной, доц. Е. Ф. Тарасенковой. Авторский коллектив: Шейнина Е. П., Тарасенкова Е. Ф., Флоровская В. А., Кузнецова Р. Д., Скорлуповская Е. В., Шабалин М. Н. Краснодар, 1991 (Рукопись).
- САР 1 — Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. Тт. 1–6. СПб., 1789–1794.
- САР 2 — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Тт. 1–6. СПб., 1806–1822.
- СВЯ — Словарь вепсского языка. Сост. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Л., 1972.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Т. 1–6 / Под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001–2014.
- СИС — Словарь иностранных слов. М., 1989. 621 с.
- СКЯМ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск. 1990. 495 с.
- СКЯП — Словарь карельского языка (тверские говоры). Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. 396 с.
- Слов. Акад., 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Тт. I–IV. СПб., 1847.
- Слов. Акад., 1895 — Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Т. 1–41 и в выпусках / Ред. Я. К. Грот., А. А. Шахматов. СПб.; Пг.; Л., 1891–1929.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Тт. 1–6. СПб., 1994–2005.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л. А. Ивашко. Т. 1–2. СПб., 2003–2005.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–20 / Ред. Ю. С. Сорокин, З. М. Петрова и др. Л.; СПб., 1984–2013.
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961. 489 с.
- СУМ — Словник української мови. Тт. 1–11. Київ, 1970–1980.
- Терещенко — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Тт. 1–4. М., 1964–1973.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік баларускай мовы. Тт. 1–11. Мінск, 1978–2006.

ЯОС — Ярославский областной словарь / Отв. ред. Г. Г. Мельниченко. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.

DELFA — Dictionnaire étymologique de la langue française. Dauzat A. Paris, 1938. 824 P.

Kalima — *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

KKS — Karjalan kielen sanakirja. O. 1–5. Helsinki, 1968–1997.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.

S. Myznikov. **Northern Russian Lexicon in the East Slavic Context**

The paper attempts to etymological analysis of the North Russian language, which was interpreted earlier as Baltic-Finnish origin. Particular emphasis is placed on the wide coverage of the material, including the data of East Slavic languages. It noted the importance of integrating the various areas of foreign language exposure. We consider the probability of various etymologies given existence in dialect continuum, and nation-wide vocabulary.

Keywords: etymology, Ukrainian, Belarusian, Baltic-Finnish languages, Northern Russian dialects.

МАТЕРИАЛЫ К ЭТИМОЛОГИИ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИКАМЬЯ: ПАХТА, РОМОДА*

Аннотация. В статье приведены некоторые материалы, касающиеся этимологии двух лексем тематической группы «Метеорология» в русских говорах Прикамья: *пáхта* ‘свежевывавший мелкий рассыпчатый снег, по которому трудно идти, ехать’, ‘мягкий липкий снег’ и *ромодá* ‘метель’.

Ключевые слова: русские говоры Прикамья, метеорологическая лексика, пахта, ромода.

Пахта

Во второй половине 1950-ых гг. в Северном Приуралье, в верховьях камской Вишеры и её притока Колвы А. К. Матвеев записал слово *пáхта* в двух близких значениях ‘мелкий рассыпчатый снег, по которому плохо ехать (*некать*)’ (Дий Чердынского р-на, Акчим, Писаная, Усть-Улс Красновишерского р-на) и ‘мягкий липкий снег’ (Акчим, Писаная, Усть-Улс Красновишерского р-на). В этих же деревнях им зафиксированы дериваты *запахтеть*, *запахтить*, *пахточка* (даны без ударения и семантики)¹.

Более поздние диалектологические экспедиции Пермского государственного университета по сбору данных для «Акчимского словаря» подтвердили бытование в Акчиму указанных слов, вве-

---

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ: «Финно-угорский субстрат в топонимии и русских говорах Верхнего и Среднего Прикамья», проект № 13-34-01018 (финно-угорские данные); «Сохранение и исследование лингвистического наследия поликультурного региона: применение информационных технологий», проект № 14-34-01279 (русские данные).

¹Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск, 1959. С. 33.

ли в научный оборот иные производные и богатый иллюстративный материал: *пáхта* 1. 'свежевыпавший мелкий рассыпчатый снег, по которому трудно идти, ехать' «Пахта. Выпадает снег на застывший снег, не снег – твёрдый снег. Пластиночками. Далеко не уйдёшь: пахта»; 2. 'свежевыпавший мягкий липкий снег, тормозящий продвижение по нему' «Пахта выпала. Говорят: некатко будет. Пахта льнёт на полозья; Пахта пала – лыжа не идёт»; *пахтíть* 'быть лёгкому необильному снегопаду' «Пошёл на охоту. Снежок вроде пахтил»; «Снежок пахтит, валит маленькой»; «Что-то пахтит, что-то вроде того-де» (АС, 4: 19); *напахтíть* 'выпасть лёгкому, пушистому снегу, припорошив или толстым слоем покрыв землю' «Осенью снежок напахтил – и видно следы»; «Сегодня опять напахтило. Мороз»; *напахтáрить* '= *напахтíть*' «Снежок выпал, а потом снег набухал вот – напахтарило»; «В воскресеннэ домой пошёл – под осень было – ужо снежок напахтарил» (АС, 3: 36); *запахтíть* 1. 'начать *пахтíть*' «Снежок пахтит, валит маленькой. Чуть-чуть заморозит, запахтит»; 2. 'припорошить лёгким снегом, *пахтой*' «Снежок напорошит немножко. Пахта выпала, говорят. Сёдни запахтило, навалилась пахта» (АС, 1: 317).

А. К. Матвеев, сравнивая русские лексемы с данными Ф. Видемана, ср. коми *pakta* 'kalter Regen, gefrorene Dünste' (Wiedemann: 223), не исключает при этом связь с рус. диал. *пахтать* 'болтать, сбивать', *пахта* 'отходы, остающиеся после сбивания масла'². Позже к сопоставлению привлекается эвенк. бб́кта 'дождь с градом', 'град', 'зернистый снег; снежная крупа' (Василевич: 59)³. Остановимся подробнее на каждом из предложенных вариантов, начав с описания русских диалектных слов.

1. Повсеместно русским говорам в разных значениях известны лексемы с основой *пахт-*, ср. *пáхта* 'сыворожка, остающаяся после приготовления творога' (Волог.), 'снятое, обезжи-

²Там же.

³Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1964. Т. 14, f. 3-4. P. 301.

ренное молоко' (Костром., Новосиб., Иркут.), 'квас с толокном' (Костром.), *náxтáлка* 'ручная маслобойка' (Сталингр., Саратов., Горьк., Р. Урал, Даг. АССР, Пенз., Ряз., Брян., Груз. ССР, Кемер.), *náxтáнка* 'жидкость, остающаяся после сбивания масла; пахта' (Даг. АССР, Кокчетав.), *náxтанье* 'то же' (Пенз., Свердл.), 'снятое топлёное молоко' (Костром.), 'отходы после топления масла' (Яросл., Сиб.), 'вода после промывки сбитого из сметаны масла' (Волог.), *náxтать* 'взбивать (сметану, сливки и т. п.) мутовкой, рогаткой' (Новг., Костром.), (Волог., Самар.), *náxтовать* 'сбивать (масло) из сливок, сметаны' (Влад.), *náxтóнье* 'сыворотка' (Тамб.), *náxтус* 'сбитое из сметаны масло; нетоплёное масло' (Костром., Волог., Арх., Перм.) и мн. др. (СРНГ, 25: 295–297). Слова *náхта* 'обезжиренная молочная жидкость; сыворотка, остающаяся при сбивании сливочного масла как побочный продукт', *náхтать* 'сбивать (масло) из сливок или сметаны' и отдельные производные представлены в академических словарях русского языка (САР-1, 4: 737; Сл. Акад. 1847, 3: 164; БАС-1, 9: 325; БАС-3, 15: 503–504).

Традиционно исследователи возводят это лексическое гнездо к прибалтийско-финским этимонам, предлагая для сравнения разные данные, ср. фин. *raksu* 'густой', *rahtaа* 'сгущать, давать свернуться'⁴, *ryöhtää* 'сбивать масло'⁵, карел.-олон. *rüöhtä* 'то же'⁶, *rüöhteä*, *rüöhtiä*, люд. *rüöhitä* 'сбивать масло' (SKES, 3: 534), вепс. *röht'imaid* 'пахта' (СВЯ: 455)⁷. Считается при этом, что лексемы с корнем *náхт-* отражают более древнюю основу **röhtä-*, в которой

⁴Грот Я. К. Областные великорусские слова финского происхождения // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. I–III / ред. И. И. Срезневский. СПб., 1854. Стлб. 67. Также см. (Преображенский, 2: 30).

⁵Meckelein R. Die finnisch-ugrischen, turko-tatarischen und mongolischen Elemente im Russischen. I. Die finnisch-ugrische Elemente im Russischen. Berlin, 1914. S. 56.

⁶Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919. S. 184. Также см. (Фасмер, 3: 222).

⁷Кожеватова О. А. Заимствования в лексике говоров Русского Севера и проблема общего регионального лексического фонда: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997. С. 48–49. Также см. (Аникин: 443).

долгий гласный первого слога **-ö-* на русской почве даёт *-a*⁸, а коми верх.-вычег. пакта ‘пахтанье (сыворотка, остающаяся при сбивании коровьего масла)’ (ССКЗД: 246) заимствовано из русских говоров, «на что указывают как география, так и фонетика коми лексемь»⁹. Если принять гипотезу о прибалтийско-финской природе русских слов, тогда южнорусские фиксации (см. выше: Ряз., Пенз., Сталингр., Саратов., Даг. АССР, Груз. ССР и др.), не характерные для общепринятых финно-угорских заимствований, могут быть объяснены давним выходом слова за пределы диалектов и вхождением его в состав литературного языка. Примечательно, что ещё столетие назад, по сведениям А. Г. Преображенского, южнорусским говорам слово было не известно (Преображенский, 2: 30).

Итак, по одной из возможностей, *пáхта* как метеорологический термин в русских говорах Верхнего Приволжья является результатом метафорического переноса на русской почве от соответствующего прибалтийско-финского заимствования (‘сыворотка’ / ‘накипь’ / ‘отходы’ > ‘мелкий рассыпчатый снег’ / ‘мягкий липкий снег’). Эта версия поддержана фиксацией в акчимском говоре лексемы *пáхтаньё* ‘накипь при топлении сливочного масла’ (АС, 4: 19), которая могла быть одним из катализаторов процессов семантического переноса в говорах куста деревень на ограниченной территории. Согласно другой гипотезе, семантический сдвиг произошёл ещё в севернорусских говорах, то есть в материнских по отношению к прикамским, косвенным подтверждением чему может служить слово *пáхта*, отмеченное в Тихвинском р-не Ленинградской обл.¹⁰ с семантикой ‘рыхлый снег, снеж-

---

⁸ Kalima J. Op. cit. S. 185; Кожеватова О. А. Указ. соч. С. 49.

⁹ Кожеватова О. А. Там же.

¹⁰ Рус. *пáхта* ‘изморозь с туманом’ Тихв. Новг. (Маштаков; КСРНГ), сначала воспринятое нами как ошибочное прочтение рукописного *пахта*, видимо, всё же связано с рус. диал. *пáхмурно* ‘пасмурно’ (Курск., Пск., Арх., Костром.) и подобными словами (СРНГ, 25: 290), объясняемыми «эффектом Глускиной», подробнее о котором см.: Костючук Л. Я. Псковские говоры и их изучение // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2007. № 27. С. 37.

ная слякоть': «На улице пахта такая, ноги поминутно проваливаются» (СРГК, 4: 415). Рассматриваемый материал имеет продолжение в русских диалектах Сибири: *пáхточка* 'мягкий снег' Верхнекет. Том. (КСРНГ). Наконец, что не исключено, значения тихвинского и прикамских слов могли развиваться независимо друг от друга, являясь параллельными инновациями на противоположных краях севернорусского ареала.

2. Коми пахта дано словарём Ф. Видемана без диалектной пометы (см. выше), чем, очевидно, обусловлено включение слова пахта 'изморозь, сухой мелкий снег' в словарь современного коми литературного языка (КРК: 476). Диалектный словарь ограничивает ареал распространения лексемы тремя самыми восточными коми-зырянскими диалектами: верх.-вычег. (с. Помоздино), печор. (п. Медвежская) пахта, ижем. пахта¹¹ 'снег пылью, сухой мелкий снег, падаемый при сильно разреженном воздухе' (ССКЗД: 272). Сходные варианты не обнаружены в печатных и некоторых рукописных источниках по другим коми диалектам, включая коми-пермяцкие. Учитывая ареал коми и русских диалектизмов, а также факт отсутствия [h] в исконных коми словах (и, как следствие, регулярную субституцию её на [k] в заимствованиях), можно предполагать, что коми слово заимствовано из русских говоров Приуралья. Известно о тесных контактах верхнепечорского и верхнекамского населения в XVIII–XIX вв., не ослабевающих и в XX в.¹²

3. Что касается эвенкийского материала, то здесь, как нам кажется, имеет место случайное звуковое сходство (притом не абсолютное). Определённые затруднения есть и на уровне семантики. Значение 'мелкий снег, снежная крупа' зафиксировано только в восточных говорах эвенкийского языка, в то время как для всех остальных родственных тунгусо-маньчжурских слов, также яв-

---

¹¹См. также в специальном исследовании: Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка / под ред. В. И. Лыткина. Сыктывкар, 1976. С. 195.

¹²Подробнее см.: На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв. / В. А. Александров, И. В. Власова, И. А. Кремлёва [и др.] / отв. ред. В. А. Александров. М., 1989. С. 18.

ляющихся рефлексамии тунг.-маньчж. *ббна, присуща семантика 'град', см. *ббна 'град': эвенк. (вост.: тоттин.) ббйкта, (вост.: аян., сахалин., урмий., учур., чумикан.) ббкта 1. 'град', 2. 'мелкий снег, снежная крупа', ббктат-/ч- 'идти, падать (о граде, о мелком снеге)'; негид. (нижне-амгунь.) бокта 'град'; орок. бокто 'град'; нанай. (кур-урмий.) бокта 'град' (ССТМЯ 1: 94). Кроме того на всём протяжении от Урала до Енисея искомое слово встретилось только в русском говоре севера Томской области, но не обнаружено в самодийских языках или в тюркских языках Сибири.

Ромода

В «Словаре пермских говоров» нам встретилось слово *ромодá* 'метель' («А у нас зимой ромода-то сильная бывает»), записанное в Усть-Урлке Чердынского района (СПГ, 2: 298).

В говорах севернорусского наречия найдено лишь одно слово, сходное по форме, но семантически не тождественное: *рамадá* 'пасмурная, туманная погода с мелким дождём' (Ладож. Петерб. 1898) (КСРНГ).

При этом в севернорусских говорах обширно представлены слова *рамодитьсá* 'проявлять беспокойство о ком-, чем-н., хлопотать, возиться' (Волог.), *ромадá* 'тот, кто много болтает, пустословит' (Волог.), 'простой человек' (Олон.), 'суетливость, толкотня' (Новг.), *ромадить* 'суетиться, торопиться' (Новг.), 'работать', 'болтать, пустословить' (Волог.), *ромадить* 'устраивать, сооружать, строить что-либо замысловатое', 'лечить' (Р. Урал), *ромодá* 'дело, занятие, доставляющее много забот, хлопотливого труда; возня, хлопоты' (Новг., Волог.), 'беспокойный человек' (Новг.), 'тот, кто много работает' (Волог.), 'неурядица, скандал, беспокойство' (Олон., Влад.), 'шум' (Беломор.), 'глупый человек' (Беломор., Арх., Яросл.), *ромодить* 'делать что-л. медленно' (Оренб.), *ромодитьсá* 'хлопотать, много работать', 'хлопотать, беспокоиться о чем-л.' (Новг.), 'суетиться, торопиться, спешить' (Волог.), *ромодливый*, *ромодной* 'хлопотливый, неугомонный' (Волог.), *ромодно* 'хлопотно, трудно, затруднительно' (Волог.) (КСРНГ; СРГК, 5: 442, 557–558; НОС: 1038) и мн. др.

В прикамских говорах см. *ромодá* ‘ерунда’ (Редикор Чердын.) (КСРГСП).

Считалось, что происхождение этих слов прибалтийско-финское. А. Л. Погодин сравнил их с фин. *gomi* ‘шум’, ‘брань’, ‘скандал’¹³, что вызвало отрицание Я. Калимы, на слух которого русское слово «звучит не по-фински»¹⁴. М. Фасмер постулировал исконное происхождение русских диалектных слов (Фасмер, 3: 500). Высказывалось мнение, что в говорах осваивалась не литературная форма *gomi*, а диалектный финно-угорский вариант слова, не известный по источникам¹⁵. По нашему мнению, финаль *-да* могла развиваться на русской почве под влиянием слов вроде *ерунда*, *белиберда* и др.

Как бы то ни было с идентификацией этимона, здесь наблюдается явная связь слов со значениями ‘шум’ / ‘суета’ и ‘метель’. Прикамское *ромодá* ‘метель’, таким образом, встаёт в следующий ряд подобных примеров: рус. *кижа* ‘род танца’ (Арх.), ‘вереница (людей, животных и пр.)’ (Яросл.), *кита* ‘суета при наплыве гостей, многолюдстве’, ‘род хоровода’ (Яросл.) ~ *кижа* ‘выпадение снега, снегопад; снег, выпавший в течение одного снегопада’ (Волог., Арх.) (КСРНГ; ЯОС, 5: 29, 32); *кутить* ‘мести, кружить снег, пуржить’, *кутерга*, *кутерьга*, *кутерьма*, *кутиха* и др. ‘пурга, метель’ (Волог., Арх., Твер.) (СГРС 6: 315–316, ТСГТ 1: 25).

Судя по всему, ладожское *рамадá* ‘пасмурная, туманная погода с мелким дождём’, как и рус. *рям* ‘вьюга, метель, пурга, буран’ (Олон., Арх.) (СРНГ, 35: 350), происходит от финно-угорских язы-

---

¹³Погодин А. Л. Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия. 1904. № 4. С. 56.

¹⁴«Erstens kann man kein original auffinden, zweitens klingt *рамадá* gar nicht finnisch». См.: *Kalima J.* Kritisches zur Frage über die finnisch-ugrische Elemente im Russischen. II // *Rocznik slawistyczny*. 1913. T. VI. S. 78.

¹⁵Федоров А. И. Освоение заимствованных слов в севернорусских говорах // Диалектная лексика 1969 / отв. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Л.: Наука, 1971. С. 225.

ков, ср. фин. *riemu* ‘метель’¹⁶, саам. *gēmi* ‘ураган, вихрь’¹⁷. В таком случае прикамское *ромодá* ‘метель’ берёт начало ещё в русских говорах Приладожья, сохраняя, в отличие от них, исходное значение этимона.

Сокращения

- Аникин — *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск, 2000.
- АС — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь): Вып. 1–6 / гл. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь, 1984–2011.
- БАС-1 — Словарь современного русского литературного языка: Т. 1–17 / гл. ред. В. И. Чернышев, С. Г. Бархударов, В. В. Виноградов [и др.]. М.; Л., 1950–1965.
- БАС-3 — Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Т. 1–23. М.; СПб., 2004–2014.
- Василевич — *Василевич Г. М.* Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
- КРК — *Безносилова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И.* Коми-роч кывчукör: Коми-русский словарь / под ред. Л. М. Безносиковой. Сыктывкар, 2000.
- КСРГСП — Картотека Словаря русских говоров севера Пермского края. Кафедра общего и славянского языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.
- КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров. Словарный отдел Института лингвистических исследований РАН.
- НОС — Новгородский областной словарь / авт.-сост. А. В. Клевцова, А. В. Никитин, Л. Я. Петрова, В. П. Строгова; ред. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова; изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб., 2010.
- Преображенский — *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка: Т. 1–3. М.; Л., 1910–1949.
- САР-1 — Словарь Академии Российской по производным порядком расположенный: Т. 1–6. СПб., 1789–1794.

---

¹⁶*Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. S. 210.

¹⁷*Itkonen T. I.* Lappische Lehnwörter im Russischen // *Mélanges de philologie*, offerts à M. J. J. Mikkola à l'occasion de son 65 anniversaire, le 6 Juillet 1931. Helsinki, 1932. P. 64. Также см. (Фасмер, 3: 537).

- СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка / ред. П. А. Аристэ, А. В. Петухов. Л., 1972.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Т. 1–6. Екатеринбург, 2001–2014.
- Сл. Акад. 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка: Т. 1–4 / под ред. А. Х. Востокова, В. А. Поленова и др. СПб., 1847.
- СПГ — Словарь пермских говоров: Вып. 1–2 / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: Т. 1–6 / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–48. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2015.
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева / под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961.
- ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю: Т. 1–2 / отв. ред. В. И. Цинциус. Л., 1975–1977.
- ТСГТ 1 — Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. 1 / под ред. Т. В. Кирилловой, Л. Н. Новиковой. Тверь, 2003.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: Т. 1–4 / перевод с нем. и предисловие О. Н. Трубачёва. М., 1964–1973.
- ЯОС — Ярославский областной словарь: Вып. 1–10 / отв. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.
- SKES — *Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R.* Suomen kielen etymologinen sanakirja: O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.
- Wiedemann — *Wiedemann F. J.* Syrjänisch-deutsches Wörterbuch, nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhang, und einem deutschen Register. St. Petersburg, 1880.

R. Gaidamaško. Data for Etymology of Meteorological Lexics in Russian Dialects of the Kama Region: pahta, and romoda

There are some data for etymology of Russian dialectal words of the Kama region given in the article: *pahta* ‘new-fallen fine crumbly snow on which it is difficult to walk, ride’, ‘soft sticky snow’, and *romoda* ‘snowstorm’.

Keywords: Russian dialects of the Kama region, meteorological lexics, *pahta*, *romoda*.

ЛЕКСИКА СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРОВ ЭСТОНИИ И РУССКИЕ ГОВОРЫ СЕВЕРО-ЗАПАДА: К 50-ЛЕТИЮ ВЫХОДА «МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ СЛОВАРЯ РУССКИХ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРОВ ПРИБАЛТИКИ»*

Аннотация. «Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики» (1963 г.) — уникальный источник диалектных данных, сохраняющий записи живой диалектной речи, сделанные в 1950–1960-е годы на территории Эстонии, Латвии и Литвы. Однако за прошедший период появились новые диалектные словари, активно продолжается изучение языка и культуры староверов Эстонии. Все это позволяет анализировать лексику русских говоров Эстонии в контексте диалектов Северо-Запада, и — шире — в контексте русских говоров в целом. В результате наблюдений над лексическими данными делаются некоторые предварительные выводы о своеобразии лексической системы старожильческих говоров, о происхождении диалектной лексики, а также о различиях в функционировании диалектных слов в речи староверов Эстонии и в речи русского крестьянского населения России.

«Материалы к Словарю русских старожильческих говоров Прибалтики» — источник уникальной, зачастую архаической и неизвестной другим говорам лексики, имеющей большое значение для изучения региональных языковых форм в исторической перспективе.

Ключевые слова: русская диалектология, лексикология, диалектная лексикография, старожильческие говоры, староверы, Эстония.

Почти 50 лет назад вышли в свет «Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики» (МСРСГП). Сегодня этот словарь — уникальный источник диалектных данных, содержащий записи, сделанные в 1950–1960-е годы. «Материалы...» стали одним из первых послевоенных диалектных словарей, ведь до этого диалектологи были заняты преимущественно

---

*Статья подготовлена при поддержке гранта СПбГУ «Региональные формы русского языка в исторической перспективе», 31.38.291.2014.

работой над ДАРЯ, и решение о необходимости создания диалектных словарей было принято на Совещании по вопросам диалектологии только в 1955 г.

«Материалы...» — словарь по своему типу дифференциальный, при составлении словника авторы руководствовались ТСУ и академическими словарями русского языка и «включали только слова, имеющие помету обл. или вообще отсутствующие в словарях» (МСРСГП: 7). В разделе «Принципы составления словаря» указано, что в словарь «включается только диалектная лексика..., а именно: а) слова, отсутствующие в современном русском литературном языке (*пúня, засék*)... б) слова, имеющие отличия от соответствующих литературных слов *леной* (ленивый), *забítь* (убить) и в) слова, имеющие в говорах иное значение *клюка́* (кочерга), *лихой* (сердитый, злой)» (МСРСГП: 8). Однако заметно, что авторам «тесно» в дифференциальных рамках, поскольку общерусское слово функционирует в диалекте иначе, нежели в других формах существования языка (разговорном слое литературного языка или художественной литературы) — что и доказала последующая практика составления диалектных словарей. Так, например, существительное *кусóк* в значении ‘большое расстояние’ *Дэ́л’акó да Бу́льва?* — *Кусóк, кусóчкьк на́да прайти́*. Лат. (МСРСГП: 140), глагол *кусáться* ‘жалить’ о насекомых *Мúх’и так’ийи злы́и, кусáйуца, в’инна, доши буд’и*. Эст. (МСРСГП: 139), прилагательное *ла́дный* ‘хороший’ *Ла́нный ф т’аб’а мужы́к, кара́хт’вр хáрошгый в йавó*. Эст. (МСРСГП: 141) и др. в тех же значениях зафиксированы словарями литературного языка (ср.: *кусóк*: ‘вообще отдельная часть чего-л.’ (*кусок местности*) (БАС, 5: 1892); *кусáться* ‘причинять боль укусами’ (*кусались блохи*) (БАС, 5: 1890); *ла́дный* разг. ‘хорошо сложенный, статный; хороший, дельный’ (БАС, 6: 27) — однако авторы помещают указанные лексемы в словник. Понятно — и это также оговаривается в предварительных замечаниях к словарю — недостаточное количество записей и недостаток времени для полного сбора материала и его проверки. «Некоторые диалектные слова, встречающиеся в иллюстративном материале, не внесены в словник,

например: *кольцевьё, мармус, глядины, веничыё*, за неимением достаточного материала, хотя в некоторых случаях все же вводятся слова и с малым количеством примеров и даже с такими недостаточными иллюстрациями, которые только называют слово, а не объясняют его значения» (МСРСГП: 6). Надо отметить, что наличие такого материала неизбежно, и связано это не только и не столько с недостаточностью базы словаря, сколько с внутри- и внеязыковыми явлениями. Во-первых, в говорах, как и в разговорной речи вообще, немало единичных лексем — такое слово, как *кольцевьё*, пусть и образованное по активной словообразовательной модели, может быть окказиональным. Во вторых, конец 1950 — начало 1960 гг. (как показывают наблюдения на материале Диалектного подкорпуса НКРЯ и на материалах Карточки ПОС¹) — очевидно, время ухода старого поколения диалектоносителей и начало резкого снижения употребления диалектной лексики в речи жителей деревни, когда «старые» слова начинают забываться, переходить в пассивный запас: *мармус, кольцевьё, веничыё* — не отмечены ПОС, а, например, *глядѝны* отмечено в двух значениях.

Заканчивается Предисловие к «Материалам...» замечанием о том, что «из-за ограниченности во времени и месте данные других диалектных словарей не привлекались..., хотя это, несомненно, представляет большой интерес» (МСРСГП: 7).

За прошедшие 50 лет период появились новые диалектные словари (ПОС, СРГК, Селигер, АОС, СВГ, СРГНП и др. — а некоторые были и переизданы, как НОС) активно продолжилось изучение языка и культуры староверов Эстонии (3 выпуска «Очерков по истории и культуре староверов Эстонии», СГСЭ и др.); вышло более 40 томов СРНГ. Все это позволяет анализировать лексику русских говоров Эстонии в контексте диалектов Северо-Запада, и — шире — русских говоров в целом и сделать некото-

---

¹Пурицкая Е. В. Диалектный подкорпус Национального корпуса русского языка как источник изучения лексической динамики диалекта // Севернорусские говоры. Вып. 12. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 14–22.

рые предварительные выводы о своеобразии лексической системы старожильческих говоров, о происхождении диалектной лексики, а также о различиях в функционировании диалектных слов в речи староверов Эстонии и в речи русского крестьянского населения Северо-Запада России.

Как уже было отмечено, некоторые диалектные слова, встречающиеся в иллюстративных цитатах «Материалов...», не внесены в словник. К числу таких не выведенных в словник лексем относится существительное **скóромь** 'скоромная, мясная и молочная пища' — оно зафиксировано в статье на слово **сре́да** 'третий день недели, среда' *Срэ́да д'эн'ь по́снэй, м'áса и скóрэм'и н'и йéл'и*. Эст. (МСРСГП: 311). В СГСЭ это существительное в том же значении приводится с твердой основой **скóром** (м. р.): *Был пост, и я говорю, что рижанам дать скóром нельзя, что мы должны постное что-то приготовить* (СГСЭ: 135). Рассмотрим, как это слово представлено в русских народных говорах.

В псковских говорах **скóром** (м. р.) зафиксировано в том же значении: *Скóрам-та ф пастáх ни éли; Ры́бу вари́ли то́лькэ ф сре́ду и ф пýтницу, скóрэм не éли на сре́дам и пýтницам; Ра́ньше пасты́ саблюда́ли, скóрам ня éли, а бы́ла куда́ фкусне́я ма́сла*. (КПОС). Всего в Картотеке ПОС 12 фиксаций слова **скóром**, из них 7 — в Гдовском, и по 1 — в Печорском, Сланцевском, Псковском, Опочецком, Середкинском районах, но основной материал записан в Причудье. При этом слово с мягкой основой **скóромь** в КПОС не зафиксировано. В СРГК в значении 'скоромная пища' указаны существительные **скóром** *А теперь всё скорóм, поста нету, скóромь Постны дни справляли, не ели скóромь.* и **скорóма** (хотя последний вариант вызывает сомнения: в высказываниях *Великий пост семь недель, скорóму не давали есть и Петров день начинается, так раньше старухи скорóму не едят* употреблено скорее всего существительное мужского рода **скорóм** в родительном падеже с окончанием -у) (СРГК, 6: 126). В НОС **скóром** 'мясная или молочная пища' *Фсё скóром большиз едят теперь*. В СРНГ **скóромь** с мягкой основой отмечено в том же значении в Арх., Ворон., Сарат., Горьк., Твер., Р. Урал., с твердой основой **скóром** —

в Арх., Олон., Мурман., Новгород., Твер. (СРНГ, 38: 99), т. е. слово имеет ярко выраженный северный ареал. Возможно, это одно из слов, которое подтверждает связь между лексикой говоров Причудья и европейского Севера России.

Фиксация 1960-х гг. на территории Причудья, отраженная в «Материалах...», и в целом северный ареал слова, возможно, подтверждают гипотезу о том, что лексика причудцев «помнила» о расселении древних новгородцев и их потомков поморов по Северу и Сибири. Гипотезу о северном расселении древних новгородцев до Раскола высказывали, в частности, историки А. Касиков, Е. А. Васильченко и Ф. А. Савихин: «Наличие столь большого числа “северных”, точнее, старон Новгородских слов даже в середине XX века и их география распределения по России однозначно свидетельствуют о том, что основное ядро предков русских полуверцев Северного Причудья и западнопричудцев, в том числе и предков староверов, сформировалось в Причудье во времена расселения новгородцев по европейскому Северу России, то есть задолго до Раскола. Кроме того, столь большое количество “северных” слов говорит о том, что в среду полуверцев и западнопричудцев вплоть до середины XX века не было массового переселения русских из России, иначе старые слова оказались бы «накрытыми» словами более поздних переселенцев»².

Примером такого «северного» слова может также служить и существительное **крень** в значениях ‘кривое, согнувшееся дерево’, а также ‘плотная древесина’. В «Материалах...» видим это слово (ж. р.) в значении ‘кривое, косое дерево’ *Гарás кр’эни многа, харо́шгый жэ́рз’д’и ни палу́чыцца*. (МСРСГП: 132). В НОС **крень** (м. р.): 1. ‘дерево с твердослойной древесиной, кривое, с сучками’ *Крень, говорит, попал, зажимает пилу, кривой лес, крениватый на одну сторону*, а также 2. ‘плотный слой древесины’ *Крень пилишь, пилишь, а там как железный клин вбит, ижно пила нейдёт* (НОС:

---

²Касиков А., Васильченко Е. А., Савихин Ф. А. Русские Причудья Эстонии в XVI–XVIII веках (по историческим и языковым данным) // Рябининские чтения — 2007 / Отв. ред Т. Г. Иванова. Музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск, 2007. 497 с.